

Проявить легкую капризность.

Характер у Тун Хуайцина в этом плане был довольно противоречивым. Если ему что-то доставляло неудобство, он говорил прямо и решительно отказывался от того, что казалось ему неприемлемым. Будь перед ним авторитетный мэтр из мира музыки, журналисты с диктофонами и вспышками или сотни оценивающих глаз в зрительном зале — он держался безупречно и открыто.

«Мне это неприятно, я отказываюсь».

«Я плохо себя чувствую. Если продолжать, я заболею».

Даже если другие считали это мелкой просьбой или «ерундовой услугой», он всё равно упирался.

Избалованный. Настоящий капризник.

Сам Хуайцин в этом проблемы не видел. Он мог абсолютно спокойно заявить кому угодно: пальцы болят, мышцы поясницы затекли, а если засидеться дольше нормы, при подъёме на ноги кружится голова и тошнит. Извините, на банкете меня не будет.

Эгоист. Мог бы и потерпеть.

Но вот парадокс: когда ему становилось больнее по-настоящему, он, напротив, молча сжимал зубы и уверял, что всё в порядке.

Болевой порог — штука вообще странная.

Так что сейчас, ощутив, как шершавые мозоли Чи Е царапнули кожу, позволить себе тихий упрёк... ведь можно? Не страшно же.

Чи Е не выпустил его руку. Лишь продолжал пристально смотреть.

Хуайцин попытался перевести тему, пожаловался, что тот сжал слишком сильно, и даже не стал спрашивать, почему тот вошёл без стука и заметил его недомогание. Он попытался улыбнуться, хотя под влажными ресницами ещё блестели слёзы. Со спины только что сошёл холодный пот, кончики пальцев леденели, но его рука всё ещё оставалась в крепкой ладони Чи Е.

Хуайцин легкомысленно проговорил:

— Ну всё, хватит. Ты вообще соображаешь, какая у тебя хватка?

Тон казался непринуждённым. Но улыбка быстро сошла с его лица.

Чи Е продолжал смотреть на него.

И эта поза... выходила чересчур опасной.

Хуайцин сидел на кровати, плотно сдвинув колени. Свои пальцы он нашёл в чужой ладони, лежащей прямо у него на бедре. Чи Е опустился перед ним на одно колено. Его широкая спина изогнулась в красивой, упругой дуге. Казалось бы — подчинённое положение, но... Вы когда-нибудь видели леопарда перед броском?

Именно так он и прижимает к земле тяжёлую голову и сильное тело, не сводя глаз с намеченной жертвы.

Хуайцин ошеломлённо захлопал ресницами:

— Ты чего?

— Ты меня боишься? — сдавленно спросил Чи Е.

Запах жасмина в комнате почти выдохся, цветы осыпались, и даже пчёлы больше не кружили за окном. В помещении остались только они вдвоём, и оба старались дышать глубже и реже.

Хуайцин замер. Сердце ухнуло куда-то вниз, ноги онемели от напряжения.

Чёрт.

В горле пересохло, пульс заколотил в ушах.

Этот взгляд... Это двусмысленное движение... И алыми пятнами вспыхнувшие кончики ушей Чи Е...

Он в меня влюблён.

Хуайцин судорожно сглотнул. Вывод напросился сам собой: Чи Е точно запал на него. Иначе с чего бы ему так себя вести?

В конце концов, Хуайцин был взрослым человеком и далеко не дураком. Он наглядно знал, как

выглядят глаза, полные обожания или вожделения. За свою жизнь он получал немыслимое количество признаний: ему преподносили букеты, драгоценности, предложения покататься на частных джетах, старинные замки в Европе, чистокровных скакунов и предметы искусства из частных коллекций — лишь бы добиться хотя бы благосклонного взгляда.

Дары Хуайцин не принимал. И особой гордости не испытывал.

Пользуясь своей безупречной внешностью, он в таких ситуациях лишь отстранённо улыбался и уходил, совершенно не заботясь о чужих разбитых сердцах. Вспышки чужой страсти всё равно гасли слишком быстро.

Он вспомнил, как однажды на дружеской посиделке зашла речь об этом. Хуайцин обронил пару фраз, и его давний приятель Хуан Лянлян тут же расхохотался:

«Да кому охота вечно отогревать ледяную глыбу? Ты хоть к кому-то проявил хоть каплю тепла?»

Лянлян всегда отличался гибким характером, но тогда, видимо перебрал с алкоголем, позволил себе редкую колкость: «Ах, маленькая принцесса... Ты вообще кого-нибудь удостоил настоящим взглядом?»

Хуайцин тогда ничего не ответил. И виноватым себя не считал. Нет чувств — значит, нет. Зачем тратить время?

Впрочем, был случай, когда после очередного отказа крупному магнату Хуайцин случайно услышал, что о нём говорят за спиной.

В роскошной уборной Хуайцин неторопливо мыл руки, когда из глубины помещения донёсся сдавленный голос — кто-то говорил по телефону.

«Слушай, есть бабы так себе на вид, а заведёшься мгновенно, хочется прямо на месте сдёрнуть шмотки и вдуть. А этот пианист... Тун который... Я за ним две недели бегал — да ну его в болото!»

Голос снизился до шёпота:

«Был бы ещё горячим... Морда у него, конечно, ангельская, а поближе подберёшься — фу. В постели, небось, лежит как бревно дохлое. Деревяшка скучная, смотреть тошно! Да если он сам голым приползёт — мимо пройду!»

Хуайцин тогда молча огляделся. Нашёл подсобку, толкнул дверь, посмотрел на ведро с грязной водой и швабру... Поморщился.

Из кабинки как раз выходил тот самый бизнесмен, поправляя ремень. Сделал пару шагов — и застыл.

Перед ним стоял Тун Хуайцин — безупречный, покрасневшийся, с пылающим взглядом. Настоящий розан, только с шипами.

Ругаться Хуайцин толком не умел, зато вспыхивал как порох. Он обернул ручку ведра несколькими слоями салфеток, поднял тяжёлую посудину и от души плеснул мутной водой прямо на щегольской костюм.

Полегчало мгновенно.

Если его оскорбляли или домогались, Хуайцин не раздумывал над последствиями: раздавал пощёчины или бил ногой. Главное — сбросить пар.

Как тогда, когда он съездил по физиономии Чи Е.

Или в их самую первую встречу, когда в ледяной реке Чи Е взвалил его на плечо одной рукой — и Хуайцин отчётливо ощутил... весьма недвусмысленный отклик мужского тела.

Ахах, выходит, влюбился с первого взгляда?

Хуайцин чувствовал нечто неопределённое — смесь неловкости и лёгкого превосходства. Он решил сам разбить эту тонкую перегородку:

— Кхм... И давно это началось?

Раз уж тот спросил, не боится ли он его... Это что, прелюдия к признанию?

Даже как-то неловко. Ладно, слова для отказа он придумает позже, сперва надо послушать.

— А? — Чи Е опешил, с недоумением уставившись на него.

— Ну, в реке, когда мы столкнулись, да? — Хуайцин чувствовал, как отступает давняя боль, а смутные мысли развеиваются. Губы сами собой поползли вверх. — Ты ведь нарочно? Заметил меня заранее и глаз не спускал?

Он высвободил пальцы. На этот раз Чи Е не стал его удерживать, и Хуайцин легко забрал руку. Скрестив руки на груди, он посмотрел на сидевшего перед ним мужчину сверху вниз.

Чи Е замер в той же позе:

— Чё? Да ничего подобного!

— Чего «ничего»? — Хуайцин чуть приподнял подбородок. — Не врезался в меня? Или реакция у тебя не возникла? А я-то думал, отчего ты...

И с этими словами выразительно косился куда-то ниже пояса Чи Е.

Ну вот, раскрыли его. Бедняга аж слова вымолвить не может от шока.

— Ка-какая ещё реакция?!

Мы же оба взрослые мужики, зачем разыгрывать невинность? Выглядит же наигранно.

Хуайцин отчеканил с полнейшим превосходством:

— У тебя встал.

Да уж, не зря Хуан Лянлян звал его «маленькой принцессой» и «избалованным барчуком». В подобных вещах Тун Хуайцин проявлял удивительное высокомерие и абсолютную прямоту.

Чи Е медленно захлопал глазами.

Затем, будто в замедленной съёмке, краснота с кончиков ушей расползлась по его щекам, спустилась к шее и открытому воротнику, где между крепкими грудными мышцами выделялись ключицы. Кожа там была не такой тёмной, как на руках, а приятного, здорового смуглого оттенка.

Теперь же он залился румянцем, точно густым вином.

Чи Е судорожно вздохнул, голос его задрожал:

— Да не было у меня ничего! Я... я просто хотел узнать, не пугаю ли тебя! Все вокруг твердят, что у меня рожа свирепая...

Хуайцин одарил его скептическим взглядом.

Краснота на лице Чи Е стала ещё гуще. Он неловко замёл руками, не зная, встать ему или остаться на коленях. Потребуй от него сейчас сделать пару шагов — поплёлся бы на одревеневших ногах, как краб.

— Да я же не про сейчас говорю, — хмыкнул Хуайцин.

Тогда, в воде, он явственно упёрся носком ноги в нечто... весьма внушительное.

Чи Е продолжал заторможенно хлопать глазами, а потом вдруг вскочил как ужаленный и возопил:

— Это был фонарик! Фонарь у меня в кармане лежал!

Он закипел, точно чайник на плите:

— Я же ночью попёрся на реку рыбу глушить! Там темнота хоть глаз выколи! Вот и засунул фонарик в карман! А в воде штаны намокли и сползли! Не было там ничего такого!

Не успел Хуайцин слово молвить, как Чи Е, неуклюже переставляя ноги, выскочил из комнаты. Меньше чем через полминуты он вернулся, сжимая в кулаке увесистый металлический фонарь, и отчаянно замахал им:

— Вот! Смотри, вот он! Не веришь — я сейчас тебя снова на загривок взвалю, а ты наступи! Ей-богу, не было у меня никакой реакции! Ты что, из-за этого меня тогда прочь прогнал и разговаривать не хотел?!

Чи Е метался по комнате как ошпаренный, а потом резко замер прямо перед Хуайцином:

— Не веришь — давай проверим!

Он даже руки расставил, готовый подхватить его, и рявкнул во всё горло:

— Наступи на меня!

Сидевший на кровати Хуайцин даже ногами болтать перестал.

Он тихонько отполз назад, сжал губы и еле удержался от нервного смешка.

— Ха-ха, — выдавил Хуайцин.

Судя по тому, как отчаянно Чи Е оправдывался, это действительно был всего лишь фонарик.

Вышло неловкое смущение.

Оказывается, тот вовсе в него не влюблён.

Чи Е, тяжело дыша, уставился на него. Взгляд у него был прозрачный и чистый, как родниковая вода.

— Ну... а история о том, что тебе одинаково нравятся и мужчины, и женщины?.. — тихо пробормотал Хуайцин.

В комнате повисла тишина.

Чи Е показалось, что у него сейчас остановится сердце. Он чуть на колени не шлёпнулся.

Кем он вообще выглядел в глазах Тун Хуайцина?!

— Да не бисексуал я! Откуда... откуда ты вообще этой дряни нахватался?! — Чи Е в отчаянии обхватил голову руками и чуть не завыл.

Никто в округе не посмел бы распускать про него такие сплетни перед Хуайцином! Чи Е мог поклясться чем угодно: он никогда не вёл беспорядочную жизнь, а его целомудрие было известно всем. У него даже девушки толком не было, а целовался он в жизни ровно один раз — и то когда пьяный Хуайцин сам к нему полез!

Какая же обида!

Хуайцин захлопал ресницами, отводя взгляд.

Чи Е сразу всё понял: вся эта каша заварилась исключительно в этой прелестной маленькой головке.

Хуайцин смущённо кашлянул:

— Ха-ха... А я-то тогда решил, что ты извращенец.

«Извращенец», выпятив губу, чуть не плакал.

Какая несправедливость!

Он ведь действительно никогда не позволял себе пошлых мыслей о Тун Хуайцине. Чувства — да, были, откликалось и тело, но он никогда не переносил эти порывы на самого Хуайцина. Ему казалось, что пачкать столь чистое существо грязно-похотливыми фантазиями — настоящее святотатство.

Хуайцин был для него чем-то бесконечно драгоценным.

Чи Е думал о нём постоянно — и за едой, и перед сном, — но пределом его мечтаний оставался тот единственный, невесомый поцелуй. Как Чжу Бацзе, проглотивший волшебный женьшеневый плод целиком и не разобравший вкуса: хотелось ещё, но даже сильный голод не заставил бы его сломать само драгоценное дерево.

Хуайцин ведь ещё такой нежный, жалко его.

Хуайцин замялся. Стало совсем неловко, и он решил переложить вину на другого:

— А кто виноват, что ты сам у себя в комнате такие вещи смотрел? Там же сплошная пошлятина и изврат.

Чи Е с горькой обидой подумал, что вообще-то считал ту кассету романтическим фильмом и включил её не нарочно. Но спорить со старшим не стал — раз виноват, значит виноват. Понурился, он буркнул:

— Прости.

«Да за что тут извиняться-то», — подумал Хуайцин, опустив длинные ресницы. Тот диск он и сам мельком глянул, толком не разглядел, понял только, что там крутят обычные взрослые страсти. Выходит, с ориентацией у Чи Е всё в порядке.

Недаром дедушка Янь собирался сосватать ему девушку.

Чи Е помешкал и всё же спросил:

— А... с чего ты вообще об этом заговорил?

Выглядело это странно. Он толком ничего не понял, но заметил, как Хуайцин, только что напоминавший довольного рыжего лиса с распушенным пушистым хвостом, резко сдуплся. Хвост покорно опустился — словно маленькая пакость не удалась, и проказник расстроился.

Хуайцин:

—...

Он медленно поднялся с кровати, встал перед Чи Е и тихо проговорил:

— Прости.

Гордость не позволяла признаться прямо: «Я решил, что ты в меня влюблён».

Некоторые вещи, стоит упустить момент, произнести вслух уже невозможно.

Хотя в душе так и чесалось спросить: «Если не влюблён, отчего ты ко мне так добр и вечно краснеешь?»

Но было поздно: из школы вернулись дети. Дневного сна у них сегодня не было, и зевоту Ноно слышно было ещё с улицы. Заметив бутылку апельсиновой газировки, которую Хуайцин подарил Синьсинь, Чэнь Сянъян просеменил к двери и заглянул в комнату:

— Брат Чи, можно мы её поделим?

Чи Е и Хуайцин всё ещё стояли лицом к лицу. Услышав голос, Чи Е резко повернулся и буркнул:

— Ага.

У обоих лица пылали.

Чэнь Сянъян понаблюдал за ними пару секунд и спросил:

— Брат Чи, а нам с Ноно... не пора опять в книжный магазин Синьхуа?

На дворе стоял вечер, приближался праздник Середины осени, дни становились всё короче. Едва взошла луна, как нахлынула непроглядная тьма, стрекот сверчков в траве затих, а листья гибискуса свернулись на ночь. Какой уж тут книжный?

— Вы ещё не ужинали, куда спешить, — проговорил Чи Е, направляясь к выходу. — Чего хотите?

Чи Ино тоже просунула мордочку в дверь:

— Тушёные баклажаны! И свиные ножки!

Чэнь Сянъян потянул сестрёнку за руку:

— Брат Тунтун, он у тебя спрашивает.

Хуайцин завёл руки за спину, потирая подушечкой большого пальца ладонь, и тихо ответил:

— Мне всё равно.

Капризничать после такого позора не поднималась рука.

Ужин прошёл в полном, гнетущем молчании. Все переглядывались, не смея поднять глаз на Чи Е.

Блюда сгорели.

Соли оказалось в избытке.

Баклажаны снизу обуглились, а внутри остались сырыми.

Даже паровой яичный крем горчил и отдавал кислятиной вместо того, чтобы радовать нежным золотистым цветом. Бог весть, чего Чи Е туда плеснул.

Хуайцин молча отложил ложку, с трудом проглотив странную массу. Мысленно повторив заклинание о том, что еду выбрасывать грешно, он подумал: «Неужто он решил отомстить мне за напраслину? Ну и коварство».

Обычно Чи Е готовил с закрытыми глазами и получалось пальчики оближешь.

Первой не выдержала Чи Ино:

— Брат...

Девочка надула губы:

— Ладно уж свиные ножки, но эти баклажаны вообще есть невозможно!

Чи Е долго молчал, сохраняя каменное выражение лица, а потом выцедил:

— Задумался.

Придумывать оправдания он не умел. И заставлять детей давиться этой стряпнёй не стал.

— Пошли, — Чи Е отодвинул стул и поднялся. — Поедим на улице.

Хуайцин тут же встал вслед за ним:

— Я плачу. Я всё ещё ни разу вас не угощал.

Чи Ино обрадовалась:

— Ура! Хочу шашлык из баранины!

Чэнь Сяньян спросил:

— Вау, брат Тунтун, а куда мы пойдём?

— Куда захотите, — улыбнулся Хуайцин. — Я здешних мест не знаю, так что выбирайте вы.

В маленьком уездном городке заведений было немного: либо совсем простые уличные лотки с парусиновыми навесами, где стояла пара низких столиков и табуреты, либо солидные рестораны для пышных банкетов. А вот средних заведений, куда можно зайти всей семьёй просто перекусить, почти не водилось.

Дети натягивали куртки, а Чи Е достал для Хуайцина вязаный кардиган, заботливо предупредив, что на улице свежо и можно простудиться.

— А это далеко? — спросил Чэнь Сяньян. — Как мы поедем?

Чи Е накинул плотную джинсовую куртку:

— Мы же на шашлыки? Поедем на трёхколёсном грузовичке, так удобнее.

Чэнь Сяньян почесал затылок:

— Брат, а чего не на машине?

И тут же повернулся к Хуайцину:

— У моего брата есть машина! И мотоцикл, и легковушка...

Хуайцин лишь кивнул:

— Пойдёт.

Трёхколёсный мотороллер ехал небыстро, встречный ветерок приятно обдувал лицо. Это было

даже к лучшему: после шашлычной одежда всё равно пропитается дымом, так хоть до этого дышать легко.

Чи Ино первую залезла в кузов, за ней Чэнь Сяньян, а последним устроился Хуайцин. Чи Е крутанул ручку газа:

— Погнали!

Минут за десять доберутся.

Ночь выдалась дивной: лунный свет заливал улицы, а свежий ветер приносил прохладу. И то сказать, вечером Хуайцин был сам не свой, а совместная прогулка могла поднять ему настроение.

Чи Ино уже вскочила на ноги и, опираясь на плечи брата, подставила лицо ветру, отчего её косички взлетели вверх:

— Хочу петь!

Чи Е отозвался:

— Пой!

— Брат, а может, ты сначала?

Когда учение или работа позади, вечерняя прогулка всегда пьянит лёгким задором.

Лишь Чэнь Сяньян крепко вцепился в борт и деликатно подал голос:

— А может... попоём после еды? Или ты ещё подумаешь, брат?..

У Чи Е, похоже, настроение окончательно исправилось: недавнее смущение испарилось без следа, широкая спина излучала искреннюю радость.

— Яньян, давай ты заказывай песню! Пройдёмся по списку, как раз доедем.

Чэнь Сяньян сделал последнюю попытку:

— Брат...

Договаривать он не стал, лишь косо посмотрел на Хуайцина.

Хуайцин лениво откинулся на борт кузова, прикрыв глаза. Он чуть приоткрыл ладонь правой руки, ловя пальцами прохладные струи ветра.

Холодно не было. Чёрный кардиган сидел на нём свободно, прикрывая бёдра, и радовал мягкостью и лёгким ароматом стирального порошка.

— Слышал песню, что в этом году вышла? Карен Мок поёт, — Чи Е не оборачивался. — Ноно, знаешь такую? Споём вместе?

Чи Ино звонко крикнула:

— Не знаю!

Чи Е хохотнул:

— Тогда я первый!

Вдоль дороги стремительно уносились назад деревья, в траве пёстрым ковром цвели дикие бутоны. На землю осыпались спелые груши и гранаты, а воробьи прыгали вокруг, с удовольствием склевывая сладкую мякоть.

На душе стало легко и спокойно. Хуайцин сам не заметил, как его пальцы начали выстукивать ритм по сиденью, готовясь подпевать мелодии.

Ему часто приходилось слушать великих музыкантов.

Прекрасная песня как нельзя лучше подходила этой ночи.

Поэтому, когда Чи Е запел, Хуайцин мгновенно лишился дара речи.

«Время застыло... Плоды середины лета... В воспоминаниях — одиночества аромат!»

Хуайцин застыл. Глаза его широко раскрылись, а пальцы мёртвой хваткой впились в металлический борт.

Чэнь Сяньян рядом с ним с мучительным стоном закрыл лицо руками и тяжело вздохнул.

Чи Е, ничего не замечая, продолжал орать во всё горло:

«Не надо твердить мне, что любишь навек!»

Чи Ино захлопала в ладоши:

— Браво!

«Пусть волны уходят, пока помнишь меня-а-а!»

Девочка аплодировала как увлечённый тюлень:

— Красота!

Сделав резкий вираж, мотороллер замер перед входом в заведение с мангалами. Чи Е с громким смехом обернулся, ничуть не смущаясь:

— Прошу прощения за скромный талант!

Хуайцин смог выдохнуть лишь спустя несколько секунд. Выражение его лица стало мрачнее тучи.

Сначала чудовищный яичный крем, а теперь — пение, фальшивое настолько, что словно прилетело из открытого космоса... Неужели из-за того, что он слегка возвёл на него напраслину, Чи Е решил так жестоко отомстить?!

Слух у Хуайцина был абсолютный.

И потому нанесённый удар оказался сокрушительным. Слезая с кузова, он даже пошатнулся и с совершенно ледяным лицом отпихнул руку Чи Е, пытавшегося его поддержать.

Всё-таки Чи Е только казался надёжным человеком. На самом же деле...

Ну и коварство!

<http://bllate.org/book/19966/1985926>